

Ученик
ВЕДЬМАКА

ДЖОЗЕФ ДИЛЕЙНИ

Проклятие
ВЕДЬМАКА

Москва 2016

УДК 82-93
ББК 84(7США)
Д 46

Joseph Delaney
THE SPOOK'S CURSE

© 2005 Joseph Delaney. Originally published by Random House
Children's Books, a division of the Random House Group

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*
Иллюстрация на переплете *Сергея Шикина*

Дилейни Дж.
Д 46 Проклятие Ведьмака : повесть / Джозеф Дилейни ;
[пер. с англ. Б. М. Жужунавы]. — М. : Эксмо, 2016. —
352 с. — (Ученик Ведьмака. Мировой фэнтези-бестселлер
для подростков).

ISBN 978-5-699-70318-0

Томаса Уорда отдали в ученики Ведьмаку, когда ему было всего тринадцать лет. Ремесло это нелегкое и опасное, учиться ему надо много лет, да и люди почему-то сторонятся тех, кто защищает их от нежити. Но мама Тома хотела, чтобы ее седьмой сын стал ведьмаком, и Том, подумав, согласился. Кто-то же должен делать эту тяжелую работу. И вот спустя несколько месяцев они с наставником отправляются в далекий город, в подземельях которого обитает одно из самых могущественных и злобных порождений Тьмы — демон по имени Лихо. Ведьмак, учитель Тома, твердо намерен уничтожить демона, несмотря на давнее проклятие, грозящее ему гибелью в одиночестве под землей.

Но судьба решила иначе, и самое трудное испытание выпадает на долю Тома...

УДК 82-93
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-70318-0

© Б. Жужунава., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Посвящается Мэри

Самый высокий холм в Графстве окутан тайной.
Говорят, что однажды, когда бушевала гроза, там
погиб человек, сражаясь со злом, которое угрожало
всему миру. После битвы вершина снова покрылась
льдом, а когда он сошел, изменились названия всех
городов, долин
и даже очертания холмов. Сейчас
на этой самой высокой вершине
не осталось ничего,
что напоминало бы
о тех событиях.
Но имя осталось.

Ее называют

Каменный Страж,
или
Камень Цорга-защитника

Глава I

Потрошитель из Хоршоу

Услышав первый крик, я отвернулся и с такой силой зажал уши, что заломило в висках. Помочь я пока ничем не мог. Но и слышать, как вопит от боли священник, тоже было невмозготу. Он кричал долго, очень долго... Потом все же умолк.

Я сидел в темном амбаре, дрожа от страха и, слушая, как дождь барабанит по крыше, храбрился как мог. Ночь выдалась скверная. И наверняка дальше будет только хуже.

Десять минут спустя прибыли такелажник и его напарник, и я бросился к двери, чтобы их встретить. Оба были мужчины крупные, я едва доставал им до плеча.

— Ну, парень, и где мистер Грегори? — спросил такелажник, не скрывая нетерпения.

Он поднял фонарь и подозрительно огляделся. Глаза у него были пронизательные и умные. Оба

Д ж о з е ф Д и л е й н и

пришедших выглядели людьми бывалыми, таких на мякине не проведешь.

— Он плохо себя чувствует. — Я изо всех сил старался, чтобы голос не дрожал от волнения. — Всю прошлую неделю он пролежал в постели с лихорадкой и поэтому вместо себя послал меня. Я Том Уорд. Его ученик.

Такелажник оценивающе оглядел меня с головы до пят и так высоко вскинул бровь, что она скрылась под козырьком кепки, с которого все еще стекали капли дождя.

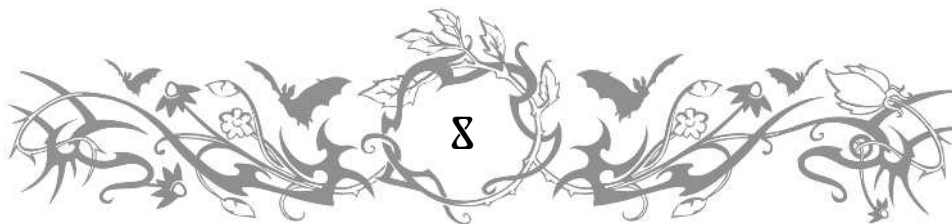
— Ну, мистер Уорд, — с заметной иронией сказал он, — мы ждем ваших указаний.

Я сунул руку в карман штанов и вытащил набросок, сделанный каменотесом. Такелажник поставил фонарь на земляной пол, с видом утомленного жизнью человека покачал головой, бросил взгляд на своего напарника и, взяв набросок, принялся его изучать.

В наброске указывалось, какого размера яму нужно вырыть и какой величины камнем ее потом накроют.

Такелажник снова покачал головой, опустился на колени рядом с фонарем и поднес бумагу близко-близко к свету. Когда он поднялся, вид у него был хмурый.

— Яма должна быть девять футов глубиной, — заявил он, — а здесь сказано — всего шесть.

П р о к л я т и е В е д ь м а к а

Он явно знал свое дело. Стандартная яма для домового должна быть глубиной шесть футов, но для домового-потрошителя, самого опасного из всех домовых, норма девять футов. Мы наверняка имели дело с потрошителем — подтверждением тому были крики священника, — однако рыть яму глубиной девять футов времени не было.

— Этого хватит, — сказал я. — Но все нужно сделать к утру, иначе будет слишком поздно и священник умрет.

До этой минуты эти крупные, сильные мужчины всем своим видом излучали непробиваемую уверенность, но теперь вдруг занервничали. Хотя вообще-то они должны были понять, что дело серьезное, еще когда прочитали записку, где я просил их прийти в этот амбар. Я написал ее от имени Ведьмака, чтобы они наверняка явились.

— Ты знаешь, что делаешь, парень? — спросил такелажник. — Эта работенка тебе по плечу?

Я посмотрел прямо ему в глаза, изо всех сил стараясь не моргать:

— Ну, начал я уж точно хорошо — нанял лучшего такелажника в Графстве.

Похоже, я сделал верный ход: на его лице появилась улыбка — будто расселина пролегла.

— Когда доставят камень? — спросил он.

— Задолго до рассвета. Каменотес сам привезет его. К этому времени у нас должно быть все готово.

Д ж о з е ф Д и л е й н и

Такелажник кивнул:

— Тогда за дело, мистер Уорд. Покажи, где нужно копать.

На этот раз он не подтрунивал, а говорил обычным деловым тоном. Он хотел побыстрее сделать свою работу и покончить с этим. Мы все хотели того же, и время поджимало, поэтому я накинул капюшон, взял посох Ведьмака в левую руку и вышел на холод, под дождь.

Снаружи стояла их двуколка, ее груз был накрыт куском непромокаемой ткани. От тела коня, терпеливо ждавшего под дождем, поднимался пар.

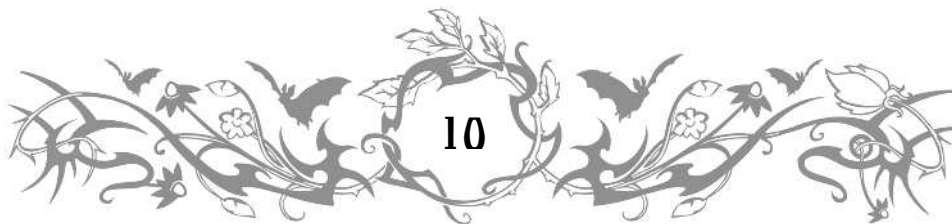
Мы зашагали по грязи — через поле, потом вдоль живой изгороди из терновника до того места, где под кроной старого дуба кусты редели, — на самой границе кладбища. Яма должна быть близко к освященной земле, но не слишком. Ближайший надгробный камень лежал всего шагах в двадцати.

Я указал на ствол дерева:

— Копайте как можно ближе к нему.

Под бдительным надзором Ведьмака я выкопал множество ям — в порядке практики — и при необходимости смог бы справиться сам. Однако эти люди были знатоками своего дела и, конечно, покончат с ним быстрее.

Когда они пошли за инструментами, я продрался сквозь живую изгородь и побрел по дорожке между надгробиями к старой церкви. Ей явно требовался

П р о к л я т и е В е д ь м а к а

ремонт: черепица на крыше во многих местах обвалилась, а стены много лет тосковали по свежей краске. Я толкнул боковую дверь, и она со скрипом отворилась.

Старый священник лежал на спине перед алтарем точно так же, как и раньше. Женщина по-прежнему стояла на коленях у его головы и плакала. Единственное, что изменилось, — церковь была залита светом. Женщина забрала из ризницы все свечи, повсюду расставила их и зажгла. Они стояли кучно по пять-шесть, — на скамьях, на полу, на подоконниках, но больше всего на алтаре. Их было не меньше сотни.

Когда я закрывал дверь, в церковь ворвался поток воздуха, и пламя свечей заколебалось. Женщина подняла на меня глаза — по ее лицу катились слезы.

— Он умирает, — с болью сказала она, и ее голос гулко отозвался под сводами пустой церкви. — Почему ты так долго?

Сообщение застало нас в Чипендене, и, чтобы добраться до церкви, мне понадобилось два дня. До Хоршоу было больше тридцати миль, да и в путь я отправился не сразу. Поначалу Ведьмак, все еще слишком больной, чтобы встать с постели, не хотел меня отпускать.

Обычно он не посылал учеников, не проучившихся у него хотя бы год, работать в одиночку. Мне только-только исполнилось тринадцать, и отучиться я успел меньше полугода. Это были тяжелые и жут-

Д ж о з е ф Д и л е й н и

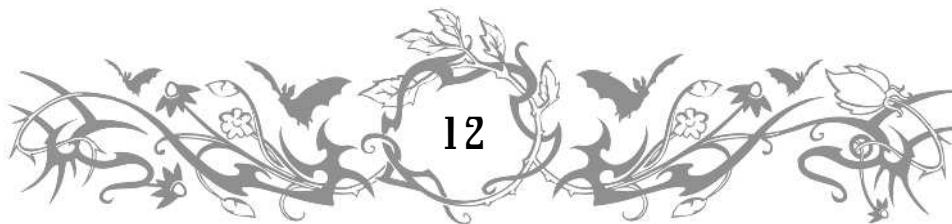
кие месяцы, поскольку нередко приходилось иметь дело с тем, что мы называем тьмой. Я учился справляться с ведьмами, привидениями, домовыми и прочей ночной нечистью. Но был ли я готов действовать самостоятельно?

Если все сделать как надо, искусственно связать домового нетрудно. Я дважды видел, как Ведьмак это делал. Каждый раз в помощь себе он нанимал умелых людей, и все проходило гладко. Однако в этом случае имелись определенные сложности.

Дело в том, что этот священник был родным братом Ведьмака. Я только однажды видел его, еще весной, когда мы оказались в Хоршоу. Тогда его лицо исказилось от гнева, он вперил в нас сердитый взгляд и перекрестил воздух. Ведьмак даже не взглянул в его сторону — они не только не испытывали друг к другу никакой привязанности, но больше сорока лет даже не разговаривали. Однако родная кровь есть родная кровь. Именно поэтому Ведьмак в конце концов и послал меня в Хоршоу.

— Священники! — возмутился он. — Почему они так уверены, что все знают? Почему вечно суются куда не следует? О чем, интересно, он думал, пытаясь одолеть потрошителя? Каждый должен заниматься своим делом.

В конце концов он успокоился и несколько часов в деталях объяснял мне, как следует действовать; потом сообщил имена и адреса такелажника и камено-

П р о к л я т и е В е д ь м а к а

теса, которых следовало нанять. Он также назвал имя доктора, настаивая, что я должен позвать именно его, а не какого-нибудь другого целителя. Это было не так просто, поскольку доктор жил довольно далеко. Мне ничего не оставалось, кроме как послать ему записку и надеяться, что он отправится в путь немедленно.

Я взглянул на женщину, которая нежно промокала лоб священника куском ткани.

Сальные прямые волосы несчастного были откинута назад, глаза закатились. Он не знал, что женщина обратилась за помощью к Ведьмаку, иначе воспротивился бы этому. Хорошо, что сейчас он не мог меня видеть.

Из глаз женщины капали слезы, поблескивая в свете свечей. Она не была членом семьи — всего лишь домоправительницей; должно быть, он был понастоящему добр к ней, если она так убивается.

— Доктор скоро будет, — я попытался ее утешить, — и даст ему что-нибудь обезболивающее.

— Он всю жизнь страдал, — ответила она, — да и я причинила ему немало хлопот. Вот почему он боится смерти. Он грешен и знает, куда попадет.

Кем бы он ни был и что бы ни делал, такого старый священник не заслуживал. Такого никто не заслуживает. Без сомнения, он был храбрым человеком. Или очень глупым. Когда домовый начал выкидывать свои штучки, священник попытался справиться с ним

самостоятельно, используя обычные «орудия» служителя церкви: колокол, святую книгу и свечу. Однако тьму этим не одолеть. В большинстве случаев не будет никакого толку — домовый просто не обращает внимания ни на священника, ни на его заклинания. Обычно он все-таки уходит по собственной воле, а священнику достаются почет и уважение.

Однако на этот раз в Хоршоу завелся самый опасный тип домового из всех, с которыми нам приходится иметь дело. Мы называем их потрошителями скота, поскольку чаще всего они питаются животными. Однако, попытавшись вмешаться, священник сам стал жертвой домового, и теперь, попробовав вкус человеческой крови, тот превратился в настоящего потрошителя. Священнику еще повезло, что он вообще до сих пор оставался в живых.

От подножия алтаря к лежащему священнику тянулась зигзагообразная трещина три шага длиной. В самой широкой части, размером почти в ладонь, она напоминала глубокую расселину. Расколов пол, домовый схватил старого священника за ногу и по колено утащил ее вниз. Теперь, сидя там, во тьме, ее порождение медленно высасывало из священника кровь, а вместе с ней и жизнь. Потрошитель похож на большую, толстую пиявку. Он старается, чтобы его жертва как можно дольше оставалась жива, — растягивает удовольствие.

П р о к л я т и е В е д ь м а к а

То, что мне предстояло сделать, не зависело от того, выживет священник или нет. В любом случае я должен был связать домового: теперь, напившись человеческой крови, он уже никогда не будет довольствоваться домашним скотом.

— Спаси его, если сможешь, — сказал Ведьмак, когда я уже собрался уходить. — Но твоя главная задача — разобраться с домовым. Это важнее всего.

Я занялся необходимыми приготовлениями.

Оставив его напарника копать яму, мы с такелажником вернулись в амбар. Он знал, что делать, поэтому прежде всего налил воды в большую бадью, которую они привезли с собой. Вот еще одно преимущество работы с опытными людьми: у них есть все необходимое снаряжение. Бадья была надежная, деревянная, скрепленная металлическими обручами и достаточно большая даже для ямы двенадцать футов глубиной.

Налив в бадью воды примерно до половины, такелажник принес из двуколки большой мешок и стал вытряхивать из него в воду коричневый порошок. Он делал это небольшими порциями, после каждой добавки размешивая раствор прочным прутом.

Довольно скоро это превратилось в нелегкое занятие — постепенно масса в бадье становилась все более густой и вязкой. И воняло от нее точно от пролежавшей несколько недель мертвечины — что,